

УДК 316.75:32

doi: 10.17072/2219-3111-2016-4-86-94

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РОДИНЫ-МАТЕРИ В ПОЛИТИКАХ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

М. Ю. Тимофеев

Ивановский государственный университет, 153023, Иваново, ул. Ермака, 37
timofeev.01@gmail.com

Анализируется практика использования монументального образа «Родина-мать» в символической политике и политиках памяти в постсоветской России. Визуальный образ «Мать-Россия», сформировавшийся в конце XIX в. после 1917 г. потерял актуальность в советской России. В СССР в начале Великой Отечественной войны возникли канонические варианты монументального воплощения образа «Родина-Мать». Практически без изменений они присутствуют в политике памяти современной России, связанной с Великой Отечественной войной и локальными войнами. Однако прослеживается тенденция трансформации трактовки образа, его ресемантизация и ресимволизация.

Ключевые слова: государственная политика памяти, историческая политика, коммеморативное пространство, современная Россия, «Родина-мать», семиотика.

В сентябре 1862 г. в новгородском детинце напротив Софийского собора был торжественно открыт «Памятник тысячелетию российской государственности». Монумент представлял собой многофигурную композицию, увенчанную олицетворяющим православие ангелом с крестом в руке, который благословляет коленопреклоненную женщину – Россию. «Статуемания» – представление о необходимости установления на улицах и площадях памятников – неотъемлемая часть символической политики национальных государств во второй половине XIX в. Начиная с 1870-х гг., по мнению С. Михальского, в массовой установке памятников в Европе можно обнаружить симптомы политической и социальной озабоченности означиванием пространства [Michalski, 1998, p. 56–77]. Использованная М.О. Микешиним в памятнике «Тысячелетие России» женская аллегория нации не была обозначена в наименовании, но при этом использовалась для создания монументального образа одной из первых. Мощная фигура матери Германии на горе Нидервальд была возведена на постамент только в 1883 г. В дальнейшем практически на сто лет образ «Родина-мать» исчез из монументальной пропаганды имперской и советской России. Исключения составляют не относящиеся к практикам коммеморации скульптурная композиция «Милосердие России», созданная в 1912 г. М.Я. Харламовым для здания правления страхового общества «Россия» в Петербурге, и скульптура «Россия», выполненная в технике каглинского литья по модели Н. Лаврецкого для Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. [Рябов, 2014, с. 96], а в советское время «Скорбящая мать» Е.В. Вучетича в Трептов-парке (1949) и «Родина-мать» И.Г. Першудчева в парке Шенхольцер-Хайде (1947–1949) в Берлине. В начале 1950-х гг. на здании железнодорожного вокзала Сталинград-I была установлена скульптурная композиция М.Д. и Н.А. Павловских и В. Н. Безрукова «Апофеоз труда»: «Родина-мать» в окружении детей и рабочих держит в воздетых руках лавровый венок.

Вплоть до начала 1960-х гг. мемориализация Великой Отечественной войны была достаточно спонтанной [Тимофеев, 2015]. Строительство комплекса на Пискаревском кладбище после проведенного в феврале 1945 г. конкурса было начато только в 1956 г., а открыт мемориал 9 мая 1960 г. Создание памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» было начато под руководством Е. В. Вучетича в мае 1959 г. и завершено 15 октября 1967 г. Однако именно история новгородского памятника позволяет говорить о возвращении в СССР к образу «Родина-мать» в практике коммеморации. Зимой 1943–1944 гг. немецкие оккупационные власти демонтировали монумент и готовили его к отправке в Германию, но осуществить свой план не успели – 20 января 1944 г. город был освобожден, а «в конце апреля 44-го года исполком Ленсовета <...> постановил воссоздать памятник "Тысячелетие России" в прежнем его виде в самый короткий срок, в числе первых объектов разоренного Новгорода» (Второе открытие...). 2 ноября 1944 г. памятник был открыт вторично. Очевидно, что восстановление памятника в контексте символической политики того времени рас-

смаatrивалось как акт возрождения славы Отечества, и фигура «Матери-России», являясь одной из многих, не сосредоточивала на себе внимание и не олицетворяла «Родину-мать» – актуальный и эффективный образ пропаганды того времени.

Как отмечает О.В. Рябов, «постсоветская эпоха не создала собственных запоминающихся образов России в женском облике; тем интереснее, как сегодня используются образы, созданные в предыдущие эпохи. Например, бронзовая копия скульптуры Н. Лаврецкого теперь встроена в одну из ниш Екатерининского зала здания Сената в Кремле, а в июне 2013 г. по инициативе депутата Госдумы от "Единой России" в селе Частозерье Курганской области была установлена её трехметровая копия» [Рябов, 2014, с. 108]. В настоящей статье ставится задача определить степень значимости монументальных образов «Родины-матери» в политиках памяти современной России. С этой целью будут проанализированы способы включения советских памятников в актуальные практики коммеморации и их ресемантизация, сходство и различие советских и новых российских мест памяти, эффективность коммеморативных практик с использованием этого образа.

Приступая к решению задачи, следует указать, что содержание и символической политики, и, собственно, политики памяти, являющейся её неотъемлемой частью, в настоящее время имеет несколько трактовок. В данной работе я придерживаюсь понимания символической политики, предложенной О. Ю. Малиновой: «деятельность политических акторов», направленная на «производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [Малинова, 2010, с. 92]. Следуя за П. Бурдые, она пишет, что, «хотя государство не является единственным актором символической политики, оно занимает особое положение на этом поле, поскольку обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности <...> В связи с этим и публичные высказывания акторов, выступающих от имени государства и/или оказывающих влияние на принятие решений, имеют особое символическое значение и, как правило, становятся объектами соотнесения для других участников дискурса» [Малинова, 2010, с. 92–93].

Конструирование исторического нарратива – неотъемлемая часть политики современных национальных государств. «Историческая память», «историческая политика», «политика памяти», «политическое использование истории», «режим памяти», «культура памяти», «игры памяти» – эти понятия применяются для обозначения проблемного поля, связанного с исследованием роли истории в формировании современных политических смыслов [Малинова, 2015, с. 36]. Авторы говорят об «исторической политике», «политическом присвоении прошлого», «мемориальной политике», «политике истории» [Сыров, Головашина, Линченко, 2016, с. 136]. «Политика памяти находит свое воплощение в коммеморативных практиках, которые задают линию интерпретации совместного прошлого. К этим практикам можно отнести создание мест памяти, культурных городских ландшафтов, установку и снос памятников, организацию культурных мероприятий и фестивалей, новых музеев, создание школьных учебников и кинофильмов на историческую тематику и т.д. Все эти действия направлены на символическое переоформление реальности, закрепление в сознании граждан определенного образа прошлого и конструирование новых смыслов и значений, что, собственно, и представляет собой символическая политика» [Гигаури, 2015, с. 62].

«Памятники, мемориалы и места скорби, – отмечает М. Немцев, – это то, без чего невозможна символическая среда обитания человека. Человек живёт в окружении памятников и посещает места памяти» [Немцев, 2010, с. 8–9]. Эти объекты – часть городского символического пространства, которая призвана быть «повседневным напоминанием о Родине» [Биллиг, 2007, с. 9]. Причём как «большой» Родины, так и «малой». В ряде национальных республик Российской Федерации в постсоветское время были возведены монументы с использованием этнических вариантов образа «Родины-Матери» (см. [Докучаев, 2015]), вносящие дополнительные коннотации в политику памяти, реализуемую в этих субъектах РФ. Как справедливо отмечают Е.В. Беляев и А.А. Линченко, «известные перспективы может иметь проект государственной политики памяти как децентрализованной, плюралистической и неэтноцентричной политики памяти, обладающей подвижной структурой смысловых ориентиров и учитывающей вызовы и риски современности» [Беляев, Линченко, 2016].

Современная российская городская среда в силу специфичности хронологии формирования мест памяти представляет собой пространство конкурирующих дискурсов коммеморации. В некоторых городах можно обнаружить полицентризм, связанный с маркировкой публичных про-

странств ещё в советское время в рамках историко-революционного и военно-патриотического дискурса. Памятники Ленину и другим представителям советского пантеона героев пространственно разведены с мемориалами, посвящёнными Великой Отечественной войне [Котова, 2010]. Появившиеся в постсоветское время памятники дореволюционным гениям места (святым, князьям, генерал-губернаторам и пр.) ещё в большей степени способствуют дифференциации городского пространства. Соответственно, мероприятия, посвящённые памяти событий Великой Отечественной войны, и торжества в День народного единства проходят в разных местах. Причиной отсутствия единого концепта при создании городских мест памяти в современной России является «отсутствие внятной позиции государства по большинству вопросов, вызывающих идеологические споры. По признанию многих исследователей, ключевой проблемой, затрудняющей формирование новой макрополитической идентичности, является стремление властвующей элиты отложить на неопределённое будущее решение дилемм, связанных с ее ценностно-смысловым наполнением» [Малинова, 2013, с. 115].

Принципиально новый этап отношения к Великой Отечественной войне в СССР начинается в 1965 г.² Она становится частью государственной политики памяти, и именно в это время отмечается массовое сооружение памятников и мемориальных комплексов. Выделяя 1940-е, 1960-е и 1980-е гг. как показательные для практик мемориализации, Н. Конрадова и А. Рылева отмечают смену тенденций в используемой символике и внешнем виде памятников. Согласно их исследованию в 1960-е г. на смену скромным обелискам с именами погибших приходят большие памятники, мемориалы, мемориальные комплексы, причем «постепенно отдельные изобразительные типы и составляющие памятника складываются в узнаваемый, стандартный мемориальный “тезаурус”; в скульптуре и архитектуре, поэзии, музыке, литературе и изобразительном искусстве оформляется канон изображения и трактовки солдатского подвига, человеческой жертвы и победы советской идеологии» [Конрадова, Рылева, 2005, с. 255]. Рассматривая эволюцию используемых в мемориальной практике образов, Н. Данилова обратила внимание на то, что «монументальность и использование типичных для советского контекста символов воинской скорби: Вечный огонь, фигура скорбящей матери» – достаточно распространены на современных мемориалах [Данилова, 2005]. Сформировавшийся в советское время канон транслируется достаточно широко, так, «в архитектурном облике “афганских” памятников чаще всего используются традиционные для военных мемориалов символические элементы: образы военного братства, скорбящей матери, вечный огонь, отчеканенные списки с именами погибших» [Стрельникова, 2012, с. 237].

Как указывает Н. К. Колягина, «несмотря на существование каналов выражения личного отношения к уже существующему памятнику, сложившаяся практика установки монументов в России исключает сообщество горожан из обсуждения проектов монументов – как правило, у граждан нет институционально закреплённого способа влиять на то, кому, где и когда будет поставлен новый памятник и как он будет выглядеть» [Колягина, 2014, с. 100]. Одним из результатов такого положения дел является то, что многие памятники оказываются объектами оживлённой критики как в процессе их установки, так и спустя много лет. При этом, как очень точно указывает М. Габович, «ничто не является “памятником в себе” – коммеморативным свойством его наделяет наблюдающий. Он же может лишиться его этого свойства, превратить памятник в бывший памятник, место памяти из общего места – в пустое место» [Габович, 2014]. Для поддержания интереса к мемориальным объектам необходимо их включение в актуальную коммеморативную практику. Так, по мнению К. Хайнриха, значимость памятника определяется не событием, к которому он отсылает, а эффектом, производимым им. Памятник должен «вызвать критические обсуждения», быть «средством трения в общественной дискуссии» (цит. по [Колягина, 2014, с. 90]).

В 1970-е гг. памятные места становятся такими же типовыми, как и городская застройка. Порой власти устранились от обсуждения проектов памятников. Так, работы по возведению комплекса «Родина-мать» в Набережных Челнах были начаты, не дожидаясь постановления вышестоящих органов. Городское партийное руководство рассчитывало, что будет возведена небольшая скульптура: «женщина-мать либо солдат с ружьём» (Пахомова), но оно заблуждалось. Центральный объект мемориала представляет собой огромную скульптуру, стилизованную под птицу Феникс, на крыльях которой помещены барельефные изображения лиц героев Великой Отечественной войны. Столь авангардное решение было явным перегибом для середины 1970-х, но автор точно уловил новую стилистику монументальных объектов, которые должны будут вписаться в новый урбани-

стический ландшафт. Как отмечала В.С. Сперанская, «сложились новые условия, изменившие ситуацию для скульптуры, призванной бытовать в городской среде: гипертрофия масштабов застройки, унификация и типизация объемов и создаваемых ими градостроительных пространств, унылость и “необжитость” последних» [Сперанская, 1993].

Нетрудно предположить, что новаторская работа молодого скульптора И. Ханова не сразу была принята горожанами, воспитанными на иных образцах монументальной пропаганды, и вызвала шок у партработников. Монумент явно выбивается из сотен больших и малых сооружений, посвящённых памяти войны. Однако в настоящее время страсти улеглись, и местные власти стали даже очень ревностно к нему относиться: «Пока к мемориалу Родина-мать приходит возложить цветы четверть молодоженов. По мнению мэра города, которое он высказал в своем твиттере, их должно быть значительно больше: “В четыре раза больше. Не больше и не меньше”, – написал он. То есть почтить память воинов должны все женихи и невесты» (На мемориал...).

В данном подходе к функциям места памяти проявилась ресемиотизация объекта. Предлагаемая Д. Г. Смирновым модель ресемиотизации содержит три уровня: (а) изменение кодов культурной памяти, которое концентрирует внимание на выяснении «системообразующего свойства» современной символической политики и запускает процесс изменения кодов культурной памяти; (б) изменение семиотики символа в исторической ретроспективе, дающее возможность сосредоточить внимание на способах представления означаемого: визуального/аудиального; вербального/невербального и т.д.; (с) изменение значения (смысла) символа в зависимости от трансформации знаковой формы представления означаемого (например, индекс, икона, символ) [Смирнов, 2015, с. 101–102]. Я полагаю, что, исходя из предложенного Ч. Пирсом и развитого Ч. Моррисом выделения в семиотике трех разделов (*семантики, синтактики, прагматики*) (см. [Моррис, 2001, с. 101–102]), феномен ресемиотизации уместно разделить на ресинтаксизацию, ресемантизацию и репрагматизацию.

Включение посещения памятных мест в свадебный ритуал – случай репрагматизации, т.е. формирования новых отношений между субъектом и объектом, сохраняющих своё значение (смысл) и свою структуру. К этому следует добавить то, что мемориальные парки в отсутствие рекреационной инфраструктуры становятся местом отдыха горожан. Там «можно покататься на роликах, велосипедах, совершить пешие прогулки, прокатиться на лошадках и пони, посидеть в летних кафе, сфотографироваться на фоне легендарной боевой техники, позволяет приобщиться к истории», как пишут СМИ о парке Победы в Казани, расположенном в новом районе города (Есть в Казани...). В связи с этим возникает проблема допустимого и недопустимого в такого рода городских локусах. Какие действия могут оскорбить память павших? Как оценить беззаботность проведения досуга с особым символическим смыслом мест памяти.

К проведению чемпионата мира по футболу 2018 г. у Мамаева кургана в Волгограде создадут Мемориальный парк, который, по словам директора музея-заповедника «Сталинградская битва» А. Васина, «будет похож на московский Парк Победы на Поклонной горе: в нем будут представлены образцы военной техники, обустроены роликовые дорожки, фонтаны и т.д.» (Мемориальный парк...). Это обстоятельство указывает на тенденцию последнего времени, проявляющуюся в том, что многими горожанами парки Победы воспринимаются как обычное рекреационное пространство [Колягина, Конрадова, 2015]. Безусловно, во время торжественных мероприятий парки Победы функционируют в ином режиме, но иногда задача привлечения публики предполагает использование необычных средств.

Именно это обстоятельство побудило представить 9 мая 2015 г. на Мамаевом кургане лазерное шоу. Риторика организаторов строилась на оправдании новых форм взаимодействия с мемориальными объектами и акцентировании священного статуса символа. По мнению директора музея-заповедника, светопроекционная программа не содержала ничего, что могло бы показаться кому-то оскорбительным и тем более кощунственным. «Мы же понимаем, что это икона, а с иконой любые эксперименты всегда опасны, серьезны, – отмечает господин Васин. – Но надо идти вперед. Должны быть какие-то ростки нового. Свою задачу гениальное творение Вучетича будет выполнять еще много лет. То, что мы сейчас делаем, – это некое дополнение, попытка поговорить на одном языке с молодежью. Эти приемы для молодежи понятны и привлекательны. Потому что один раз посмотрел, вроде бы, сходил на Мамаев курган, ну все, я там был, да, и можно уезжать спокойно» (В Волгограде...).

В 2012 г., после того как на сайте мэрии Волгограда был опубликован текст под названием «Волгоград ищет свой новый символ», Интернет наполнился разнородными обличительными текстами с броскими заголовками «Волгоградские чиновники застыдились “несовременной” Родины-матери», «Чиновникам Волгограда Родина-мать уже не нужна» (*Донской; Серенко*). Авторы документа, вызвавшего столь бурную реакцию, – сотрудники департамента зарубежных связей – сообщали о проведении конкурса «Бренд Волгограда и региона», целью которого являлось создание «нового образа родного города и края». Всем желающим чиновники мэрии предлагали принять участие в «создании туристического или торгового бренда города и региона», который должен представлять собой «яркое, запоминающееся, символическое изображение, характеризующее единство пространства, истории и традиций местности» (*Романова*).

Скульптура «Родина-мать зовёт» Е.В. Вучетича является для волгоградцев перенагруженной смыслами. Это и дань памяти места, и маркер территориальной идентичности, и знак, включённый в официальную символику города и области, вынесенный на герб и флаг. Так что посягательство на него воспринимается очень многими как серьёзное оскорбление [*Тимофеев, 2015, с. 55–58*]. 29 апреля 2015 г. на сайте американского журнала «Бизнес инсайдер» появилась фотоподборка под названием «12 самых абсурдных сооружений советской эры, существующих до сих пор». На последнее место в этом перечне автор, молодой журналист Майкл Бёрд, поместил скульптуру Е.В. Вучетича «Родина-мать зовёт!». Один из комментаторов под ником Rean94 написал, что, добавив в этот рейтинг «Родину-Мать, вы плюнули в душу России. Есть вещи, которые нельзя трогать» (*The 12 most...*). 1 мая корреспондент газеты «Известия» подчеркнул: «Мы имеем дело с настоящей войной, только теперь информационной. Зачем прямо говорить о том, что русские плохие? Достаточно назвать их священный символ нелепым. Американцы таким образом выразили свое отношение к нашей стране, культуре и народу» (Назвать «Родину-мать»...). В интервью, данном Первому каналу, А. Васин заявил: «Они понимали, что они делают. Оскорбляли самое для нас сокровенное, нравственные ориентиры страны, ее совесть. Они взяли и просто туда плюнули. Вообще, за это по морде бьют, по-хорошему говоря» (*Американский журнал...*). Непрофессионализм и некомпетентность молодого журналиста стали поводом для небольшой информационной войны, продлившейся 11 дней, продолжавшейся даже после того, как изображение скульптуры удалили из злополучной подборки. Даже в рамках исследовательского дискурса можно обнаружить несуразности: в вышедшей в Вене «Книге о Родине» И. Сандомирской говорится о «монументальной скульптуре Славы на Малаховом кургане в Волгограде» [*Сандомирская, 2001, с. 180*].

В 2016 г. Центральный банк России начал кампанию по отбору визуальных образов городов для новых купюр достоинством в 200 и 2000 рублей. Надо сказать, что аллегорическое изображение Матери-России на рубеже XIX и XX вв. присутствовало на ряде российских банкнот [*Рябов, 2014, с. 95*]. А памятник «Тысячелетие России» был помещён в 1997 году на купюру номиналом в 5 рублей. В случае выбора Волгограда на банковском билете была бы представлена репрезентация главной городской скульптуры, что, вероятно, способствовало бы её известности. Волгоград первым набрал необходимое для участия в конкурсе число голосов. В ходе процедуры отбора СМИ сообщали о лидирующей позиции символа города [«Родина-мать» лидирует...; «Родина-мать» возглавила...]. Первое и второе места попеременно занимали символы Волгограда и Иркутска. «Разрыв между этими городами минимальный – они набрали более 72 тысяч и 71 тысячи голосов соответственно. На третьем месте следует Севастополь, затем символы Дальнего Востока» [*Березина*]. Однако победителями стали символы крымского города и Владивостока.

В случае с размещением изображения монументальной скульптуры на бумажных банкнотах имеет место казус полной ресемiotизации: объект обретает новую форму бытования, т.е. изменяется синтаксис, и наделяется новыми смыслами, наконец, купюра с изображением Родины-Матери включается в новые отношения с субъектами товарно-денежных отошений. СМИ сообщали об особой позиции некоторых волгоградцев; их рассуждения, которыми я располагаю, сводились к профанации священного символа. Так, кандидат в депутаты Государственной думы от КПРФ С. Уралов осудил идею поместить на новые банкноты монумент «Родины-матери». Комментируя свое мнение, он отметил: «Подвиг нельзя монетизировать – не надо в такую спекулятивную и непредсказуемую сферу, как российские финансы, примешивать то немного святое, что у нас осталось» (Нельзя «Родиной-матерью»...).

Пятнадцать лет назад в ходе проведенного в 2001 г. в Томской области социологического исследования (N=1500) на вопрос «Какой монумент мог бы символизировать Россию?» наибольшее число респондентов (43,1 %) ответили: «Родина-мать». Далее с большим отрывом шли ответы «Богородица» (13,6 %) и «Воин-освободитель» (12,5 %) [Рябов, 2014, с. 108]. Весьма вероятно, что за это время мало что изменилось. Впрочем, в московском Парке Победы на Поклонной горе в выбранный после многочисленных конкурсов проекте, созданном под руководством З. Церетели, женский образ присутствует, но это уже не образ Родины-матери. Высокая стела в центре комплекса увенчана 25-тонной скульптурой древнегреческой богини победы Ники, держащей в руках лавровый венок [Ваньке]. Создание монументального образа «Родина-Мать» не является приоритетом в символической политике современной российской власти. Иконография дореволюционного образа Матушки-России в шапке Мономаха, хотя и становится всё более приемлемой в контексте установки памятников Ивану Грозному и князю Владимиру, всё же в сравнении с советскими образами выглядит достаточно архаичной, а её выбор обозначал бы вполне однозначный идеологический тренд.

Подводя итог, важно отметить, что чаще всего монументальные скульптурные материнские образы выполняют мемориальную функцию, маркируя места памяти войн. При этом некоторые из них играют двоякую роль, выступая, с одной стороны, символами политической мобилизации, а с другой – символами скорби по погибшим. Однако ни одна из этих ипостасей не позволяет произвести полную ресемантизацию и вырваться за пределы специфической политики памяти – памяти военной, будь то Великая Отечественная война или Афганская. «Сконструированное таким образом Отечество – *всегда* в опасности, такая Родина-Мать – *всегда* зовёт. Милитаризм – не следствие, а конституирующее условие дискурса об Отечестве, равно как и сам дискурс об Отечестве – это мифологический нарратив о “локальном апокалипсисе”» [Сандомирская, 2001, с. 180].

Таким образом, монументальный образ «Матери-Родины» прочно закреплён за политикой памяти, так как преимущественно включён в практики мемориализации, и более широкому использованию этого образа в символической политике препятствуют его коннотации, отсылающие к памяти войн. Пожалуй, лишь единственный памятник Матери-России, находящийся в Калининграде и обращённый к «большой земле», можно рассматривать как продукт символической политики без апелляции к этнической и военной истории, но и он не может претендовать на общенациональный символ, поскольку обозначает связь российского анклава с Россией, т.е. транслирует локальный нарратив.

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Родина-мать» в символической политике современной России.

² В соответствии с Указом № 3566-VI Президиума Верховного Совета СССР 9 мая стал выходным и праздничным днём.

Список источников

Американский журнал включил монумент «Родина-мать» в список самых уродливых советских памятников. URL: https://www.1tv.ru/news/2015/04/30/24372-amerikanskiy_zhurnal_vklyuchil_monument_rodina_mat_v_spisok_samyh_urodlyvyh_sovetskih_pamyatnikov/ (дата обращения: 05.10.2016).

Березина Е. Родина-мать вышла в финал. URL: <https://rg.ru/2016/09/11/opredelilas-piaterka-liderov-v-konkurse-na-simvolu-novyh-banknot.html> (дата обращения: 05.10.2016).

В Волгограде оживили Родину-мать. URL: <http://v1.ru/text/news/164958163947520.html?full=3> (дата обращения: 05.10.2016).

Второе открытие памятника «Тысячелетие России» 2 ноября 1944 года. URL: <http://ant53.ru/article/35/> (дата обращения: 05.10.2016).

Донской Л. Родина в опасности. Волгоградские чиновники застыдились «несовременной» Родины-матери. URL: <http://file-rg.ru/context/2173> (дата обращения: 05.10.2016).

Мемориальный парк появится в Волгограде у Мамаева кургана к ЧМ-2018 по футболу. URL: <http://tass.ru/sport/2444867> (дата обращения: 05.10.2016).

На мемориал Родина-мать приходит четверть челнинских молодоженов. URL: <http://www.chelny-izvest.ru/facts/30027.html> (дата обращения: 05.10.2016).

Назвать «Родину-мать» нелепой – то же самое, что оскорбить икону. URL: <http://izvestia.ru/news/586099> (дата обращения: 05.10.2016).

Нельзя «Родиной-матерью» расплачиваться в магазинах. URL: <http://23rus.org/index.php?UID=19720> (дата обращения: 05.10.2016).

Парк Победы. Казань. URL: <http://www.photokzn.ru/places/0/110> (дата обращения: 05.10.2016).

Пахомова Л. Феномен Ильдара Ханова. URL: http://www.elabuga.com/hall/_hanov_fenomen.html (дата обращения: 05.10.2016).

«Родина-мать» возглавила голосование о символах новых купюр. URL: <https://rg.ru/2016/06/28/reg-ufo/rodina-mat-vozglavila-golosovanie-o-simvole-novoj-kupiryu.html> (дата обращения: 05.10.2016).

«Родина-мать» лидирует в конкурсе на символ для новых банкнот. URL: <http://izvestia.ru/news/619888> (дата обращения: 05.10.2016).

Романова К. Местные власти вознамерились придумать новый символ города — менее «кровавый». URL: http://rusplt.ru/articles/region/region_1747.html (дата обращения: 05.10.2016).

Серенко А. Чиновникам Волгограда Родина-мать уже не нужна. URL: http://www.ng.ru/regions/2012-11-29/1_volgograd.html (дата обращения: 05.10.2016).

The 12 most absurd Communist buildings that are still standing. URL: <http://www.businessinsider.in/The-12-most-absurd-Communist-buildings-that-are-still-standing/articleshow/47099103.cms> (дата обращения: 05.10.2016).

Библиографический список

Беляев Е.В., Линченко А.А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // *Studia Humanitatis*. 2016. № 2. URL: <http://st-hum.ru/en/node/402> (дата обращения: 05.10.2016).

Биллиг М. Повседневное напоминание о Родине // *Логос*. 2007. № 1.

Ваньке А. Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве // *Неприкосновенный запас*. 2015. № 3 (101). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27699-landshafty-pamyati-park-pobedy-na-poklonnoy-gore-v-moskve.html> (дата обращения: 05.10.2016).

Габович М. Советские военные памятники: биографические заметки // *Что делать?* 2014. № 37. URL: <http://gabowitsch.net/wp-content/uploads/2014/05/Chto-delat-pamiatniki-FINAL-ru.pdf> (дата обращения: 05.10.2016).

Гишаури Д.И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // *Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение: Вопр. теории и практики*. Тамбов, 2015. № 10, ч. 1.

Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 гг.) // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/dan17.html> (дата обращения: 05.10.2016).

Докучаев Д.С. «Дочки-матери»: Женские аллегории этнорегионов России в постсоветской мону-ментальной риторике // *Лабиринт: Журн. соц.-гуманит. исследований*. 2015. № 4.

Колягина Н.К. Бюрократы, патриоты, аутсайдеры: стратегии взаимодействия с новыми российскими памятниками // *Ист. разметка пространства и времени: матер. семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г.* / под ред. И. И.Куриллы. Волгоград, 2014.

Колягина Н., Конрадова Н. День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы // *Неприкосновенный запас*. 2015. № 3 (101). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27695-den-pobedy-na-poklonnoy-gore-struktura-prostranstva-i-ritualy.html> (дата обращения: 05.10.2016).

Конрадова Н., Рылева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М., 2005.

Котова К. Ленин, церковь и некрополь: ландшафт современного российского города // *60 параллель*. 2010. №1. URL: http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/36/12.pdf (дата обращения: 05.10.2016).

Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // *Полит. концептология*. 2013. № 1.

Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис*. 2010. № 2.

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. М.; Екатеринбург, 2001.
- Немцев М.* О будущем, или Зачем нам памятники // 60 параллель. 2010. №1. URL: http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/36/09.pdf (дата обращения: 05.10.2016).
- Рябов О.В.* «Родина-мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского гос. университета. Сер.: История. 2014. № 1.
- Сандомирская И.* Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.
- Смирнов Д.Г.* К вопросу о ресемiotизации как форме символической политики («Родина-мать» в политических практиках современной России) // Лабиринт. 2015. № 4.
- Сперанская В.С.* Скульптура в современной городской среде: роль, место, форма (К проблеме совершенствования архитектур.-худож. облика новых жилых районов Ленинграда – С.-Петербурга): автореф. дис. ... канд. искусствовед. СПб., 1993. URL: <http://www.portal-slovo.ru/art/35839.php> (дата обращения: 05.10.2016).
- Стрельникова А.В.* «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Сер.: Социология. 2012. № 2.
- Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А.* Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // Вестник Томского гос. университета. 2016. № 407.
- Тимофеев М.Ю.* Помни о матери-Родине! Конкурирующие места памяти // Лабиринт. 2015. № 4.
- Michalski S.* Public Monuments: Art in Political Bondage, 1870–1997. London, 1998.

Дата поступления рукописи в редакцию 06.10.2016

MONUMENTAL IMAGE OF THE MOTHERLAND IN THE POLITICS OF MEMORY IN CONTEMPORARY RUSSIA

М. Yu. Timofeev

Ivanovo State University, Ermaka str., 37153023, Ivanovo, Russia
timofeev.01@gmail.com

The paper analyzes how the monumental image of the Motherland was used in the symbolic politics and politics of memory in the post-Soviet Russia. The visual image of the Mother Russia created at the end of the 19th century lost its relevance in the Soviet Russia after 1917. At the beginning of the Great Patriotic War, the iconic versions of the monumental image of the Motherland, that later laid the basis for memorial practices, had emerged in the USSR. Practically without changes, they are present in contemporary Russian politics of memory linked to the Great Patriotic War and local wars. However, the tendency to transform the explanation of the image, to resemiotize and resymbolize it can be seen. Attempts to use the original image in the Soviet monumental art were rare. Stereotypical images of a grieving mother and a mother calling for heroism prevailed in the military memorial discourse. Recently, semantics of some memorials has changed. New ways of using those memorials in the politics of memory and in other spheres lead to their resemiotization. On the one hand, the image of the Motherland continues to be used in the military discourse. On the other hand, projects of its use in the symbolic politics outside that discourse attract attention. However, possibilities of the use of the Motherland image as a unique unifying symbol of Mother Russia are not big at present.

Key words: state politics of memory, historical politics, commemorative space, contemporary Russia, the Motherland, semiotics.

References

- Belyaev E.V., Linchenko A.A.* Gosudarstvennaya politika pamyati i tsennosti massovogo istoricheskogo soznaniya v sovremennoy Rossii: problemy i protivorechiya // Studia Humanitatis. 2016. № 2. URL: <http://st-hum.ru/en/node/402>.
- Billig M.* Povsednevnoe napominanie o Rodine // Logos. 2007. № 1.
- Danilova N.* Memorial'naya versiya Afganskoy voyny (1979–1989 gg.) // Neprikosnovenny zapas. 2005, № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/dan17.html>.
- Dokuchaev D.S.* «Dochki-materi»: Zhenskie allegorii etnoregionov Rossii v postsovetskoj monumental'noy ritorike // Labirint: Zhurn. sots.-gumanit. issledovaniy. 2015. № 4.
- Gabovich M.* Sovetskie voennye pamyatniki: biograficheskie zametki // Chto delat'? 2014. № 37. URL: <http://gabowitsch.net/wp-content/uploads/2014/05/Chto-delat-pamiatniki-FINAL-ru.pdf>.
- Gigauri D.I.* Politika pamyati v praktike sotsial'nogo konstruirovaniya politicheskoy identichnosti // Ist., filos., polit. i yurid. nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Vopr. teorii i praktiki. Tambov, 2015. № 10, ch. 1.

- Kolyagina N., Konradova N.* Den' Pobedy na Poklonnoy gore: struktura prostranstva i ritualy // *Neprikosnovenny zasap.* 2015. № 3 (101). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27695-den-pobedy-na-poklonnoy-gore-struktura-prostranstva-i-ritualy.html>.
- Kolyagina N.K.* Byurokraty, patrioty, autsadyery: strategii vzaimodeystviya s novymi rossiyskimi pamyatnikami // *Ist. razmetka prostranstva i vremeni: mater. seminara, proved. Volgogr. gos. un-tom pri podderzhke Fonda F. Eberta 13 maya 2014 g. / pod red. I. I.Kurilly.* Volgograd, 2014.
- Konradova N., Ryleva A.* Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoy Otechestvennoy // *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa.* M., 2005.
- Kotova K.* Lenin, tserkov' i nekropol': landshaft sovremennogo rossiyskogo goroda // 60 paralel'. 2010. №1. URL: http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/36/12.pdf.
- Malinova O.Yu.* Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti. M., 2015.
- Malinova O.Yu.* Problema politicheskoi «prigodnogo» proshlogo i evolyutsiya ofitsial'noy simvolicheskoy politiki v postsovetsoy Rossii // *Polit. kontseptologiya.* 2013. № 1.
- Malinova O.Yu.* Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoy Rossii // *Polis.* 2010. № 2.
- Michalski S.* Public Monuments: Art in Political Bondage, 1870–1997. London, 1998.
- Morris Ch.U.* Osnovaniya teorii znakov // *Semiotika: Antologiya / sost. Yu.S. Stepanov.* M.; Ekaterinburg, 2001.
- Nemtsev M.* O budushchem, ili Zachem nam pamyatniki // 60 paralel'. 2010. №1. URL: http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/36/09.pdf.
- Ryabov O.V.* «Rodina-mat'» v istorii vizual'noy kul'tury Rossii // *Vestnik Tverskogo gos. universiteta.* Ser.: Istoriya. 2014. № 1.
- Sandomirskaya I.* Kniga o Rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik. Wien, 2001.
- Smirnov D.G.* K voprosu o resemiotizatsii kak forme simvolicheskoy politiki («Rodina-mat'» v politicheskikh praktikakh sovremennoy Rossii) // *Labirint. Zhurn. sots.-gumanit. issledovaniy.* 2015. № 4.
- Speranskaya V.S.* Skulptura v sovremennoy gorodskoy srede: rol', mesto, forma (K probleme sovershenstvovaniya arkhitekt.-khudozh. oblika novykh zhilykh rayonov Leningrada – S.-Peterburga): avtoref. dis. ... kand. iskusstvoved. SPb., 1993. URL: <http://www.portal-slovo.ru/art/35839.php>.
- Strel'nikova A.V.* «Mesta pamyati» v gorodskom prostranstve // *Vestnik RGGU.* Ser. «Sotsiologiya». 2012. № 2.
- Syrov V.N., Golovashina O.V., Linchenko A.A.* Politika pamyati v svete teoretiko-metodologicheskoy refleksii: opyt zarubezhnykh issledovaniy // *Vestnik Tomskogo gos. universiteta.* 2016. № 407.
- Timofeev M.Yu.* Pomni o materi-Rodine! Konkuriyushchie mesta pamyati // *Labirint. Zhurn. sots.-gumanit. issledovaniy.* 2015. № 4.
- Van'ke A.* Landshafty pamyati. Park Pobedy na Poklonnoy gore v Moskve // *Neprikosnovenny zasap.* 2015. № 3 (101). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27699-landshafty-pamyati-park-pobedy-na-poklonnoy-gore-v-moskve.html>.